

# глава 1



ректрасным ясным днем Крис Адамс лениво потягивал из запотевшего стакана Д-р Пепшер, пока его лучший друг Сэм, прервав беседу, проверял сообщение на пейджере. Легкий ветерок играл зубчатым краем зонтика, в тени которого стоял их столик. Толчая на тротуаре в пятницу после обеда становилось все более интенсивной. Из административных зданий по соседству то и дело выскальзывали новые люди, чтобы поприветствовать приближение первых, по-настоящему цветущих и звенящих пением птиц выходных в этом сезоне.

Наблюдая за Сэмом поверх края стакана, Крис видел, что выражение его лица становилось все напряженней, а взгляд — жестче, по мере того как тот пролистывал сообщение на пейджере.

Всякий раз встречаясь с Сэмом, который руководил местным охранным агентством, Крис должен был рассчитывать, как минимум, три-четыре раза услышать писк его пейджера. Сэм протянул пейджер Хрису.

«КРАБ развернута час назад, — прочел Крис. — А что такое КРАБ?»

Сэм достал кошелек и начал не спеша пересчитывать деньги. «Это означает Команда по Расследованию вопросов Атомной

Безопасности. Нажми зеленую кнопку, чтобы пролистать дальше».

Крис изучил лицо Сэма, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на черный юмор, но ничего не заметил. Он нажал кнопку и прочитал: «Через границу незаконно провезены радиоактивные вещества». Он нажал кнопку еще раз: «Высшая степень готовности в течение ближайших семидесяти двух часов». Крис вернул пейджер другу, прятавшему кошелек в карман.

«Не беспокойся, — тон Сэма отнюдь не обнадеживал. — Знаешь, поток этого добра у нас не прекращается» — «Поток *какого* добра? Чего-то вроде «остерегайтесь ядерных боеголовок, валяющихся где попало?»»

Лицо Сэма немного смягчилось. «Не волнуйся, — повторил он, вставая, чтобы идти. — В любом случае мы ничего тут поделать не можем, — он сжал на прощание Крису плечо, — разве только молиться, если бы мы были из таких».

Крис глядел вслед Сэму, жалея, что ему пришлось уйти, пока тот не растворился в потоке пешеходов. Он очень хотел, чтобы рядом был кто-то, с кем можно погоревать о смерти своего ложного ощущения безопасности — того, что от него осталось. Оглянувшись, Крис пристально посмотрел в сторону находящейся в двадцати километрах Футхилской АЭС и впервые в жизни задумался, что бы он делал, увидев в небе грибовидное облако. Он *быть может* побежал бы за угол в церковь Св. Марка и попробовал помолиться.

Крис тяжело вздохнул, положил свои деньги поверх Сэмовых и резко задвинул стул. Брось. Самое время добить парочку оставшихся дел и насладиться выходными. Осуществи свою мечту. Противостань врагам полными свобода выходными, заполненными природой, скалами и безумными гонками на вездеходе. Он взял свой стакан с лимонадом и сделал последний глоток.

Взрыв ударил по окнам так, что Крис пролил себе на колени Д-р Пеппер. У него екнуло в желудке. Страх и адреналин засквозили из каждого сантиметра его тела. Когда это случалась раньше, он замирал, чтобы сориентиро-

вался и определить, есть ли дым и где, а затем быстро ушел в противоположном направлении. Однако сегодня голова пошла кругом, стакан задребезжал на столе, а он, вцепившись в стул, на пару секунд устремил взгляд вверх, вверх домов, туда, где блестел на солнце шпиль церкви Св. Марка.

Наконец Крис снова собрался и огляделся кругом. Посредине следующего квартала, где располагалась его маркетинговая компания, вздымалось не слишком пугающее облако дыма. Вместо облегчения на него накатила новая, более сильная волна страха, и, вскочив, он помчался в сторону дыма. На углу он столкнулся с возбужденной толпой, бегущей от места взрыва: «Как такое может случиться дважды за одну неделю?». В понедельник учащийся нордсайдской школы застрелил семерых одноклассников. А теперь вот *это*.

Добежав до середины квартала, Крис увидел, что дымит не его офис, а расположенный рядом банк. Тротуар был устлан кашляющими от дыма и пыли перепуганными банковскими служащими и пешеходами. За ними он разглядел огромную воронку. Судя по пылающим остаткам автомобиля, можно было предположить, что еще один террорист использовал начиненную взрывчаткой машину, чтобы превратить свою жизнь в восклицательный знак после какого-то невразумительного политического или религиозного заявления.

Фасад банка обрушился в воронку, и прохожие уже вытаскивали людей из-под обломков. Крис бросился к руинам возле небольшой горячей кучи, увидев, как молодая женщина пыталась выбраться из-под обломков. Он всем телом налег на металлическую балку и сдвинул ее, освобождая женщину. Потом отвел ее в сторону от воронки, туда, где оказывали скорую помощь пострадавшим.

Крис слышал вой сирен и шум лопастей вертолета над головой. У него не было времени — или возможности — размышлять о происходящем. Он помчался назад к развалинам. Какой-то мужчина пытался вытащить подростка из-под переплетения обломков металла и камня. Ребенок кричал от того, что ему зажало ногу. Крис подбежал к ним и, как мог,

расширил отверстие до такой степени, чтобы мужчина мог вытащить ногу мальчика. Когда его уносили, парнишка в ужасе кричал: «Где Джейсон?! Он шел рядом со мной...».

До боли в глазах взглядевшись в дымящуюся грудю обломков, Крис увидел чью-то торчащую руку и ногу. Подергав в разные стороны, он наконец обнаружил направление, в котором обломки вроде бы начали поддаваться. Крис отбросил несколько горячих стальных прутьев и открыл истекающее кровью тело. Он оглянулся по сторонам в поисках помощи, но все остальные и без того были нагружены до предела.

Он успел заметить, что это был рыжеволосый мальчик. Где-то внутри Криса словно щелкнул переключатель. Он как одержимый бросился на грудю обломков, вырывая из нее погнутые прутья арматуры, куски потолочного покрытия и теплоизоляционных плит, пока не освободил парня так, чтобы его можно было бережно оттащить в сторону. Его мертвенно-бледное лицо перевернуло Крису внутренности. Подняв мальчишку, он взвалил его на плечо, как это делают пожарные, и направился к другим раненым, лежащим на тротуаре.

«Держись! Ты справишься...». К нему подбежал врач скорой помощи, только что прибывший на место происшествия. Вместе они опустили парня на землю. Когда Крис внимательно взгляделся в пепельно-серое лицо парня, его надежда сникла. Пока медик прощупывал пульс, Крис озираясь по сторонам, рассматривая других раненых. Некоторые лежали тихо, другие кричали и корчились от ожогов, но даже у самых тяжелых на щеках играл слабый румянец.

Врач поднял глаза, покачал головой и направился к другой жертве. Крис смотрел сверху вниз на веснушчатого рыжего парня и отчаянно пытался не связывать его со своим братом и другим трагическим днем. В самой глубине его сердца дым пробивался из трещин вокруг двери, которой он захлопнул болезненные воспоминания, грозившие вот-вот взорваться. Единственное, что пришло ему на ум, это убежать.

Крис обошел воронку и вбежал в вестибюль своего здания. Перед лифтами он остановился, неистово тыкая

пальцем кнопку. По дороге в своей кабинет старшего менеджера, расположенный на шестом этаже, Криса не покидали мысли: «Террорист-самоубийца, этот парень из Нордсайда, — как можно, особенно такому молодому парню, быть настолько исполненным ненавистью и нести столько разрушений?». Ему нужно было поговорить об этом с Мэг. При любом кризисе он не мог не думать, как сильно продолжает любить ее. Однако Мэг больше не было в его жизни. Она вернула ему кольцо, разорвав помолвку. Черная дыра, оставленная ею, соединилась с сегодняшней трагедией и открыла зияющую бездну в его животе. Не его ли собственный гнев разрушил их мечты?

Проходя мимо конференц-зала, Крис мельком взглянул на группу сотрудников перед телевизором, по которому шла прямая трансляция с воздуха о происходящем на улице. Другие выглядывали в разбитые окна. При его приближении менеджеры, собравшиеся возле охладителя для воды, прервали свой приглушенный разговор и молча уставились на Криса.

Крис прошел мимо своего административного помощника Шерри прямо в кабинет. В поисках кроссовок он вытащил спортивную сумку из-под полки с призами. Затем на минуту остановился и окинул взглядом кабинет — единственный видимый плод его трудов. Блестящие рамки отмеченных наградами рекламных макетов висели вперемежку с фотографиями благодарных клиентов, правивших этим уголком мира. Правый верхний ящик письменного стола был слегка перекошен, упрямо не закрываясь до конца. Ему никогда не удавалось убедить техслужбу починить его.

Он вышел из кабинета и сказал Шерри: «Пожалуйста, отмените мои встречи. Все отмените».

В гараже он нашел свою машину и, выехав, повернул налево. По радио мэр пытался убедить жителей сохранять спокойствие и поменьше ходить по улицам, чтобы аварийная техника могла выполнять свою работу. Слушатели осаждали звонками радиостанции, выражая свое возмущение смертниками на машинах, подростками-террористами, мэром, охраной границ, разрешением на оружие, школь-

ным советом, охраной студгородка Нордсайдского колледжа — перечень можно продолжить.

Войдя в дом, Хрис направился напрямиком в спальню, сбрасывая по дороге одежду. Он надел тренировочный костюм, вытащил из спортивной сумки теннисные туфли и достал из шкафа рюкзак. Заполнив его необходимыми припасами из гардероба, ванной и буфета, Крис направился к двери. Затем остановился. Он взглянул на ключи от машины, которые держал в руке, и, на миг задумавшись, бросил их на кухонный стол.

Крис захлопнул за собой дверь и побежал. Он не успел еще отбежать далеко, когда в рюкзаке требовательно зазвонил мобильный телефон. Одновременно запищал пейджер.

Несмотря на возмущение дребезжащих устройств, Крис широко размахнулся и забросил их как можно дальше на заросший сорняками пустырь. — «Жизнь! — кричал он, — Жизнь!»



Несколько часов спустя, Крис лежал полностью одетый в номере мотеля. Вытянувшись на кровати и заложив руки за голову, он смотрел в окно на неоновую вывеску, мерцавшую на фоне чернильно-черного неба. Он ощущал зло, которое отмечало необыкновенно удачную неделю, танцую в темноте в пульсирующем ритме вывески. Нижняя буква подмигивала прямо в окно. По... По... «Почему? Почему он бежит? Чтобы убежать от насилия?». Крис знал, что больше всего его пугает подозрение, что насилие уже овладело им и убежать от него невозможно. В его голове, словно на видеоленте, прокручивалась все, о чем он больше всего сожалел. В самых ужасных сценах он видел себя жутко кричащим на Мэг и выталкивающим ее из комнаты. В одной из сцен на ее горле даже остались синяки от его пальцев. Почему *он* впадал в такую ярость?

В видеоманитофон своей памяти Крис поставил ленту с более приятными эпизодами: романтические успехи у нескольких жизнерадостных и смешливых брюнеток (и одной

блондинки); костер и шашлыки на берегу; верховая езда по горам; романтические ужины на полу при свечах. Он прошелся также по своей личной жизни — вереница дел, выглядевших интересно и многообещающе. Однако женщины и работа, столь восхищавшие поначалу, постепенно становились скучными и неинтересными, фактически невыносимыми. *«Почему вспышки веселья и счастья в моей жизни всегда приводят к разочарованию и одиночеству?».*

“ Мы можем тяжело трудиться,  
 быть неразборчивыми в средствах  
 и строить планы на будущее, а  
 затем однажды «порочное обаяние  
 мирской жизни» пойдёт прахом. ”

Крис не ощущал уже былых взлетов и падений. Жизнь казалась плоской и мелкой, словно он всегда катился по ровной поверхности. В последние годы опустошающее чувство тоски стало одной из причин того, что он начал как бы летать в пространстве. Он обнаружил, что и сейчас парит в доброй четверти метра над матрасом.

Люди никогда не имели привычки парить над землей. Первые сообщения были просто поразительными — парила вся аудитория дневных ток-шоу, толпы аплодирующих фанатов на футболе, и даже конференция каких-то академически настроенных типов, изучавших художественные достоинства порнографических фильмов. В конечном итоге это стало обычным повсюду — от политических съездов до церквей. Люди просто парили на высоте от четверти до полуметра над своими стульями. Разновидность «естественного кайфа», которому предавались большие группы людей, развлекаясь, ходя по магазинам, бывая на вечеринках и в других местах, где с большой вероятностью могли быть воздушные шары и флаги.

Чем больше Крис размышлял над разными «почему?» в своей жизни, тем выше он парил. Он ненавидел

Великие Вопросы, поскольку не знал ответов: «Почему мы здесь? Я не знаю. Давай просто сходим в магазин и купим чего-нибудь». Он знал, что эти вопросы без ответов также имели отношение к парению. Индивидуальное парение, в отличие от группового, обычно связывали с меланхолией и депрессией. Он даже слышал о людях, совершивших самоубийство, проведя в воздухе слишком много времени.

В раздражении Крис потянулся за пультом дистанционного управления и включил телевизор, пытаясь отвлечься — чем-нибудь, имеющим существенное значение и вес, чтобы вернуть его обратно на кровать. Он презирал паре-

“ Все мы страстно желаем глубины и реальной ценности своей жизни, близости, которая никогда не обманет наших ожиданий и не разочарует нас, связи с чем-то, имеющим значение за пределами наших собственных коротких историй. Пишь Бог может дать это. ”

ние, как групповое, так и одиночное.

Крис переключал каналы, но большинство передач только заставляли его подниматься еще выше. Он уже хотел переключиться с заполненного людьми стадиона, когда понял, что те наблюдают не за игрой. Эта толпа, за редкими исключениями, прочно сидела на своих местах. Камера переключилась на возвышение, где Крису привлекли пронзительный взгляд ясно-голубых глаз, массивная нижняя челюсть и сильный южный акцент Евангелиста.

— Мы склонны жить так, словно короткая история нашей жизни — это все. Мы полагаем, что все в нашей власти, и мы можем строить планы на будущее.

Камера медленно отъехала от лица Евангелиста, показывая сцену, заполненную цветами и представителями го-

родских властей. Отъезжая дальше, она показала семь белых гробов, стоящих в ряд на футбольном поле как раз под импровизированной сценой.

— И тогда наступает день, подобный понедельнику. Где вы были, когда услышали о стрельбе в вашей школе? А о сегодняшнем взрыве бомбы? Я говорил с родителями, которые были на работе. С матерями, бывшими в магазине, когда зазвонили их мобильные телефоны. Одна мать рассказала, что пришла домой, проведя утро в фитнес-клубе, и услышала на автоответчике сообщение: «Миссис Смит, я просто хочу, чтобы вы знали, что Хэзер находится в отделении скорой помощи. Если что-нибудь случится... она хочет, чтобы вы знали, что очень сильно любит вас и папу».

«А теперь позвольте спросить, многие ли из вас чувствовали, что все в их власти в этот момент? Мы можем тяжело трудиться, быть неразборчивыми в средствах и строить планы на будущее, а затем однажды «порочное обаяние мирской жизни» пойдет прахом. Мы видим вещи такими, как они есть».

«Мы осознаем, что жизнь, как мы ее знаем, скреплена общими идеями, взглядами и ценностями, которые утрачивают свое влияние на нас. И недоумеваем почему. Отношения, которые мы полагали вечными, исчезают, как и иллюзия того, что все в нашей власти. До нас дотронулись — даже ударили — без разрешения. А короткая история нашей жизни, которую мы писали? Некий безымянный режиссер пригласил нового сценариста, заполнившего сценарий действием и насилием, однако на самом деле это не возбуждает и не развлекает. Он оставляет уцелевших израненными и кровоточащими *изнутри*».

Хрис пристально глядел на экран, пораженный, что Евангелисту, как оказалось, было что ему сказать.

«Это приводит нас к Богу, поскольку только Бог может утешить нас, когда нам так больно. Лишь Бог — наша Твердыня, когда мы настолько теряем контроль над окружающим. Все мы страстно желаем глубины и реальной ценности своей жизни, близости, которая никогда не обманет наших ожиданий и не разочарует нас, связи с чем-

то, имеющим значение за пределами наших собственных коротких историй. Лишь Бог может дать это. Поиски Жизни в любом другом направлении уподобляют нас пустой бутылке, плавающей в заполненной водой канаве».

Слушая Евангелиста, Крис начал постепенно опускаться; он по-прежнему парил, но уже не столь высоко.

— Мы нуждаемся в Боге. Если вы, собравшиеся здесь сегодня, парите и думаете: «Где мне найти истинную Жизнь?», или «Как мне найти Бога?», позвольте мне сказать вам: Вы видите Тесные врата? Даже если вы не видите их, но видите слепящий свет на горизонте, идите прямо туда. В конце концов, вы *увидите* врата, и когда постучите, они откроются перед вами. И возьмите с собой Божию Историю и читайте ее».

Вновь ощутив себя прочно на кровати, Крис отложил пульт управления. Он сел и увидел рядом на тумбочке Библию. Рука его замерла в нерешительности, однако он взял Библию и начал читать. Затем закрыл ее, и его объяли сомнения. Он чувствовал, что его ноги оторвались от пола и он парит в десятке сантиметров над кроватью. Крис вновь открыл Библию и стал читать. И вновь прочно уселся на кровать: «О, Боже...»

Повинуясь внезапному порыву, Крис зачихнул Библию в рюкзак и бросился наружу к свету.



На следующий день в небольшом супермаркете Крис обнаружил Библию, на компакт-диске, а также свой любимый Д-р Пепшер. Он решил прослушать всю Библию на своем плеере по пути через равнину к Тесным вратам.

В очереди к кассе Крис стоял за парнем с напомаженными волосами, в мягкой свободной рубашке и темных очках, просто излучавшем доброжелательность и обаяние. Человек указал на заголовки газет, кричащие о взрыве банка: «Не правда ли, ужасно?».

«Все тут словно сошли с ума», — сказал Крис. — Я вчера вечером слушал по телевизору речь Евангелиста на поминальной службе по жертвам стрельбы в школе...

«Стрельба, да-да, мы тоже слышали об этом, — лицо мужчины приняло озабоченное выражение, и он протянул руку. — Меня зовут Мирской Мудрец. — А меня Крис».

У человека было профессиональное рукопожатие мейнджера по связям с общественностью.

— Да-да, я как раз собирался поговорить с семьями и предложить им рассказать свои истории. Я кинопродюсер. И что же сказал Евангелист?

— Он сказал кое-что, что поразило меня, — они вышли на улицу и остановились возле блестящего черного кабриолета Мудреца. — Он сказал, что если я хочу найти истинную Жизнь, то эта... — Крис показал на дорогу под

“ Крис, все дороги ведут к свету.  
Иисус не Путь, он лишь один из вариантов. Он не Истина, а только точка зрения, и уж конечно не Жизнь, а лишь стиль жизни. ”

ногами, — эта дорога ведет к Тесным вратам, которые есть Путь к обретению Бога.

— О, вот как, — озабоченность Мудреца, похоже, сбавила обороты. — Я не решался сказать этого, но... — тут он сделал паузу, очевидно колеблясь, следует ли делиться такой деликатной информацией. — На свете нет более опасного пути, чем тот, который он вам указал. Я не могу даже *начать* рассказывать вам все слышанные мною истории о скорбях и боли, которые несет то, что вы называете «Путем». Он чрезвычайно узок и не допускает отклонений. А уж компания... — Мудрец покачал головой и понизил голос, — столько экстремистов, что в определенном смысле, даже неплохо, по крайней мере, это держит их подальше от лучших дорог.

— Есть *лучшие* дороги к свету, чем ведущая через Тесные врата?

— Крис, все дороги ведут к свету. Иисус не Путь, он лишь один из *вариантов*. Он не *Истина*, а только точка зрения, и уж конечно не Жизнь, а лишь стиль жизни.

«Как иначе мы можем реагировать на все эти притязания на истинность, на все окружающие нас уникальные религии и культуры? Хочешь ли ты присоединиться к нетерпимым фанатикам, утверждающим, что их узкого взгляда на истину должны придерживаться все?»

Нетерпимый. Фанатик. Эти ярлыки, которыми Крис всегда столь беззаботно бросался, внезапно уязвили его. Он слегка смутился и сделал вид, что поправляет лямки своего рюкзака.

— Справедливо ли, когда одна небольшая группа пичкает своим пониманием морали и «греха» всех детей Божиих? — голос Мудреца стал резким. — Давая истине различные определения, мы просто смотрим на разные грани одного бриллианта. И если мы искренне стремимся к свету, мы придем к одному и тому же.

Крис почесал обросший щетиной подбородок и почувствовал, что верит этому смуглому лицу и его «широким» взглядам: «Наверно, я принимаю все *слишком близко к сердцу*. Это была ужасная неделя».

— Так вы говорите, есть другой путь?

— Конечно. Почему бы тебе не пойти по этой прекрасной широкой дороге в Холмы Внутреннего света? События этой недели взволновали всех. Но то, в чем нуждаешься ты, это терпимость. Терпимость и открытость для всех путей к Богу. А не опасности «Пути».

Внимательно взглянув на две дороги, ведущие к холмам, Хрис заколебался:

— Как я узнаю, какая из них лучше?

Мирской Мудрец наклонился к нему и понизил голос:

— Секрет прост: «*Следуй своему сердцу*». Честно! — он поднял руку, как бы принося присягу.

Избранная Крисом дорога отлого спускалась и вскоре, свернув, пошла вдоль ласково журчащего ручья. Вокруг в поисках послеполуденного нектара порхали бабочки, создавая приятный контраст с раскаленной скучной равниной. Большие участки аккуратно подстриженной травы, перемежающиеся клумбами, посаженными цветами и кустами, превращали этот путь в настоящую прогулку по парку с одной непривычной особенностью: примерно через каждый кило-

метр большие рекламные щиты позволяли путешественникам ознакомиться с мудростью знаменитых изречений.

Первое было из Конфуция: «Муж в высшей степени добродетельный, наверняка, будет приглашен на небеса».

Вскоре дорога пересеклась с другой. Крис, мгновенье поколебавшись, закрыл глаза. Он пришел к заключению, что его влечет новая дорога — новое приключение, которое может стать еще более заманчивым!

Постепенно прогулка по парку сменилась путешествием среди благоухающих сеном лугов, разделенных полосами негромко шелестящих дубов. Справа показался большой щит со словами: *«Верхом нетерпимости было бы верить, что вы будете оправданы в намерении обратиться в свою веру. — Ганди».*

Небо стало более голубым, а ветерок казался свежее. Крис даже побежал быстрее. В скором времени он достиг еще одной развилки дороги. Целых три минуты простоял он на перекрестке, пытаясь ощутить, какая из этих дорог лучше. *«Эта новая дорога выглядит чуть более качественной..., а, может, ее просто чуть лучше содержат».* Его сердце, похоже, немного могло сказать по этому вопросу.

Он свернул на новую дорогу. Поднявшийся ветерок собрал облачка в ряды зефирных человечков, марширующих к югу. По крайней мере, Крис думал, что это юг. При таком количестве облаков было трудно сказать это наверняка.

Еще одна развилка. Левая дорога ведет к довольно крутым холмам. Правая показалась более пологой, но когда он пробежал по ней около километра, она тоже привела в места с крутым рельефом. Крис остановился и решил вернуться обратно к своей первоначальной дороге. *«Когда я поднимаюсь на холмы, то мне кажется, что это грубая дорога. Наверно, мне не стоит всякий раз сворачивать на новую».*

Скорость его движения замедлилась, поскольку он останавливался на каждом перекрестке, пытаясь догадаться, каким путем идти далее. Там много различных путей. Выбор широк. Помогало, если в облаках образовывался разрыв, и одна дорога казалась более залитой солнцем, чем другая. А один раз, когда он размышлял на пе-

рекрестке, прилетела маленькая птичка и села на новую дорогу, облегчив выбор.

По мере углубления в холмы дыхание Криса становилось тяжелее, а икры ног начали болеть от хождения по склонам. Несмотря на физическую нагрузку, он должен был застегнуть свою куртку из-за ветра, который качал березы и спрессовал зефирных человечков в толстое, покрывшее все небо одеяло.

Какую бы дорогу он не выбирал, со щитов его продолжали подбадривать мудрые изречения: *«Сердце хочет того, чего оно хочет. — Вуди Аллен»*.

Ободренный, Крис продолжал бежать трусцой. Постепенно холмы становились все более скалистыми. Деревья теснились все ближе друг к другу, пока не слились в мрачный лес. По мере того, как он пересекал дорогу за дорогой, солнечный свет уступал место мрачным сумеркам. Некоторые из дорог он выбирал, некоторые оставлял без внимания, и его дурные предчувствия росли.

Без какого-либо дружеского совета, без ориентиров, по которым он мог бы судить о своем продвижении, Крис ощущал себя совершенно подавленным необходимостью постоянно выбирать дорогу. Оглядываясь кругом, он больше не видел света — лишь серые сумерки, куда не глянь. Отвлечшись, он споткнулся, но не упал, а взвился в воздух и поплыл над дорогой на высоте добрых пяти метров.

Внезапно лес расступился, склон холма пошел вниз, и дорога под Крисом побежала по гребню огромной дамбы. Инерция вынесла его вперед через дамбу и чувство разочарования мгновенно переросло в ужас, когда он осознал, что, чуть отклонившись вправо или влево, он окажется в трясине с одной стороны, или в глубоком каменистом ущелье с другой. Дело было в ветре. Дорога через дамбу в четырех метрах под Крисом отклонялась влево. Ветер же, целый день гонявший облака, сдувал его в сторону трясины.

*«О, Боже!»* — подумал Крис, и понял, что действительно имел в виду *Его*, даже более, чем в комнате мотеля.

## глава 2



остепенно движение Криса замедлилось и он начал опускаться. Энергичными плавательными движениями он развернул свое опускающееся тело, вытянув все свои сто восемьдесят восемь сантиметров назад в сторону дороги. Но ветром его сносило в сторону от дамбы.

В голове у Криса застучало так громко, что даже заглушило шум ветра. Он опускался к резервуару, полному склизкой грязи, а дым, как на нефтеперегонном заводе, вызвал в легких острую боль. Маленькие островки ржавых бочек и токсичных отходов поднимались над трясиной, окруженной выцветшими табличками с изображением черепа и костей. «Осторожно: Топь Уныния», — гласила самая большая из них. Движение Криса продолжало замедляться, пока он не коснулся трясины, погружившись в нее по щиколотку, но не глубже. Он зажал нос и рот руками, однако зловонная химия, казалось, заполонила все тело. Рот наполнился резким металлическим привкусом.

Крис стоял в холодном поту, не в состоянии оторвать взгляд от окружавших его отбросов и маслянистой жижи. Постепенно стук в голове успокоился настолько, что уступил место мыслям о том, как отсюда выбраться. Справа от него высилась отвесная шестиметровая

дамба, по которой проходила дорога. Окружавшие яму двенадцатиметровые откосы представлялись несколько более пологими, однако были покрыты постоянно переливающейся через их край и медленно стекающей в топь липкой грязью. По холмам прокатился негромкий раскат грома.

Крис пробирался по засасывающей топи, направляясь туда, где скользкий склон выглядел наименее отвесным. Теплая, токсичная, вязкая маслянистая грязь была повсюду пронизана петлями видеолент и кинопленок. Через каждые несколько метров ему приходилось освобождать от них ноги. Пробиваясь через целые вагоны компакт-дисков с предостерегающими родителей наклейками и мечтательных романов, он, наконец, добрался до стенки ямы. Однако найти зацепку для рук было так же трудно, как опору для ног и все кончилось тем, что он весь вымазался тошнотворной грязью. Окинув взглядом стены ямы от одного края дамбы до другого, Крис увидел, что вся их поверхность покрыта мерзкой слизью. Предприняв еще пару попыток найти за что зацепиться, он сдался и сосредоточил свои усилия на поисках в грязи чего-нибудь, что могло бы помочь ему зацепиться за стенку.

Крис наткнулся на груды судебных дел: Джонс против Джонса, Хайет против Хайета, Эскобар против Эскобара, на множество открытых ржавых бочек, наполненных заявлениями о разводе. Окружающая грязь изобиловала свадебными фотографиями в поломанных рамках с разбитыми стеклами. Авиабилетами со специальными инструкциями для детей, путешествующих в одиночку. Пачками фотографий пропавших детей со щербатыми улыбками. Рекламными брошюрками приютов для избиваемых женщин. Испуганные глаза тарасились на него с исцарапанных лиц на обложках. Он погрузился в грязь немного глубже.

Крис направился к дальнему концу ямы, где стены показались ему более низкими. Повсюду попадались атрибуты приема наркотиков, и он боялся, как бы не напороться на какую-нибудь грязную иглу. Многие из похабных видеокассет и компакт-дисков, среди которых он с трудом пробирался, были представлены и в его домашней коллекции. Чем больше Крис осознавал это, тем глубже погружался.

Бредя по колено в ворохе карт для спиритических сеансов, курильниц и священных камней, Крис с трудом пробирался через горы товаров с наклеенными изображениями знаков Льва и Девы, бестселлеров о «богине в тебе» и «будь хозяином самому себе», чакрах и прошлых жизнях.

За ними из груды ржавых канистр из-под бензина и белых балахонов с капюшонами с дырками для глаз торчал обуглившийся крест. Над головой сверкнула корявая молния, ударил гром.

На дальнем конце резервуара Крис едва не попал под град порнографических видеокассет и розовых атласных кроличьих ушек. Взглянув вверх, он увидел конец толстой трубы, выступающий над краем ямы.

Он прохлюпал туда, где мог видеть боковую поверхность трубы и прочитал написанные большими печатными буквами слова «Не судите». Ниже было от руки выведено: «Даешь терпимость!». Конец трубы задрожал. Сотни каталогов учебных курсов с грохотом посыпались в резервуар, за ними, словно конфетти, полетели вымпелы престижных университетов. Все это хлынуло вниз и смешалось с отбросами. Крис поднял один каталог и пробежал названия предлагаемых курсов: «Кафедра изучения геев и лесбиянок — Особые вопросы внешних проявлений», «Колдовство и магия». И в другом каталоге: «Отталкивающее поведение: проблемы сексуальной свободы (лекции сопровождаются демонстрацией слайдов)».

То ли от зловония, то ли от чувства вины Криса буквально выворачивало. Обернувшись назад к дамбе, он смог увидеть большую часть склона расположенного позади нее холма и установленный там большой щит. При виде знакомого лица он несколько воспрянул духом. Преодолевая изнеможение и кучи глянцевой бульварной прессы, Крис пробрался достаточно близко, чтобы прочитать написанное на щите. Это был Евангелист! Огонь в его сердце, надежда в глазах! Щит этого благородного старика выделялся цитатой, весьма отличающейся от всех прочих: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

— О, Евангелист, — прошептал Крис, — я был столь безрассуден, что отвернулся от Истины.

— Да, Крис, именно безрассуден, — Фигура Евангелиста, как на телеэкране, опустила руки, мягко кивнула, и действительно взглянула на него. — Почему ты свернул с дороги к свету?

Изнеможение и страдания Криса практически свели на нет потрясение от того, что он разговаривает с рекламным щитом. Крис опустил голову:

— Я встретил этого человека по имени Мирской Мудрец. Он убедил меня, что этот путь будет легче. Что, если я просто буду слушаться своего сердца, оно укажет мне куда идти.

Сперва Евангелист не сказал ничего. Потом мягко произнес:

— Твое сердце, как ты убедился, не достойно доверия. Может показаться, что, если следуешь своему сердцу, ты, так или иначе, более искренен по отношению к себе.

“ Величайшая любовь учит не любить себя, но любить других так сильно, что ты откажешься от своих собственных планов, своих прав, своих потребностей, даже от своей жизни, чтобы служить другим, спасти их от гибели, как сделал Иисус. Лучше руководствоваться своею совестью, а совесть подчинить Истине Божией. ”

Но Крис, Бог — лучший защитник твоих главных интересов в вечности, чем даже твое собственное сердце.

Крис с горечью проглотил упрек Евангелиста.

— Оглянись вокруг, — сказал Евангелист. — Наши сердца источают грязь и отбросы. Их потоки стекаются воедино и собираются в этом месте. Вот почему оно называется Топью Уныния.

— Это... — Крис замолчал, подыскивая нужные слова. — Это невыразимо ужасно.

Евангелист вновь сделал паузу, пока Крис переносил свой вес с одной хлюпающей туфли на другую.

— Крис, Мирской Мудрец хотел, чтобы крест казался тебе полным ненависти и нетерпения. Но крест — это самый истинный знак Божией любви к нам. Величайшая любовь учит не любить себя, но любить других так сильно, что ты откажешься от своих собственных планов, своих прав, своих потребностей, даже от своей жизни, чтобы служить другим, спасать их от гибели, как сделал Иисус. Лучше руководствоваться своею совестью, а совесть подчинить Истине Божией.

— Он сказал, что я нуждаюсь в терпимости. — Крис бросил взгляд на свалку позади себя.

— Ты должен указать ему лучший путь, — сказал Евангелист. — Взгляни на это:

*Терпимость говорит: «Ты должен одобрять то, что я делаю».*

*Любовь отвечает: «Я должна делать нечто большее; Я буду любить тебя даже тогда, когда твое поведение оскорбляет меня».*

*Терпимость говорит: «Ты должен позволять мне идти своим путем».*

*Любовь отвечает: «Я должна делать нечто большее. Я буду умолять тебя следовать Божиим Путем, поскольку убеждена, что ради тебя стоит рисковать».*

*Терпимость говорит: «Ты должен соглашаться со мной».*

*Любовь отвечает: «Я должна делать нечто большее. Я расскажу тебе Истину, поскольку убеждена, что Истина сделает тебя свободным».*

Крис пристально взгляделся в первоначальную цитату, вновь появившуюся на щите Евангелиста. Возражения Мирского Мудреца против этого единственного Пути к Истине не утихают просто так.

— Евангелист, я хочу «Истины, которая сделает меня свободным». Но... что есть Истина?

— Сможешь ли ты принять Истину? — голос Евангелиста эхом разнесся по ущелью.

— Пожалуйста, скажи мне!

— Лучше, — сказал Евангелист, — я покажу. Начнем же Историю!

Величественно зазвучали фанфары. Фигура Евангелиста постепенно исчезла и Криса омыл трехмерный океан волнообразно движущихся изображений, намного превосходящих по своему размаху те, что создают лучшие мастера спецэффектов.

— То, что ты сейчас увидишь, это Истина — отблеск сердца и славы Божиих. Это величественная история Божия — История Царства.

Ленты радуг пульсировали и танцевали сквозь вековую мглу, движимые космическими ветрами в такт самой прекрасной музыки, когда-либо слышанной Крисом, исполняемой сотнями голосов и колоссальным оркестром с органами, литаврами и кимвалами. Ленты сплелись вместе, образовав своды храма. Сквозь сияние радуг Крис улавливал отблески гигантских колонн, замысловатых карнизов. За огненным алтарем возвышался гигантский престол, на котором, похоже, сидела фигура, но все так сверкало, что он не мог описать точно. Возможно, это был просто огонь, поднимающийся от пояса вверх и опускающийся вниз; золотая лента обвивалась вокруг груди, а пылающие глаза нестерпимо сверкали. Точно ли он слышал голоса, или это был гром или шум бегущей воды? Нет, определенно голоса, поскольку он также слышал смех.

— Это общение Троицы в вечном прошлом — любовь и товарищество столь глубокие, что переполняются в радости и величии своем, — пророкотал голос Евангелиста. — Фактически, изливающиеся через край любовь и радость привели к созданию ангельских существ.

Внезапно воздух наполнился кружащимися в вихре глазами и драгоценными камнями. Бог говорил, и глаза постепенно отделялись от камней, образуя четыре вращающихся столба. Столбы уплотнились и превратились в необычных шестикрылых созданий со множеством очей, даже под крыльями. Они имели лица человека и быка, льва и орла, и сто-

яли на прямых могучих ногах, оканчивавшихся копытами тельца из отполированной до блеска бронзы. Бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды слились в создания, подобные человеку, но неизмеримо более могущественные, блистающие в свете радуг, с головы до ног и до кончиков крыльев покрытые драгоценными камнями, вставленными в золотые оправы. Однако они летали легко и изящно.

Из-под перста Божия возникали шеренги за шеренгами, легионы, огромные множества светящихся фигур, выстроенных в воинские порядки, исчезающие в небесной дымке.

— Это ангелы?

— Да, четыре создания, исполненных очей, стоят на страже перед престолом Божиим. Шеренги и подразделения сформированы из вестников, хранителей, истребителей...

— А те, которые покрыты драгоценными камнями?

— Это херувимы стражи Божией. Впечатляют, не так ли?

— Они изумительны! Особенно тот, в конце.

— Да, — сказал Евангелист. — Его имя... Люцифер.

При упоминании этого имени музыка зазвучала глубокими раскатистыми басами и угрожающе. Ангельское воинство возгласило: «И ПРОИЗОШЛА НА НЕБЕ ВОЙНА!» Легионы, стоявшие в боевом порядке, теперь разделились и атаковали друг друга. Крис сжался от страха, когда прекрасные создания с глазами, ставшими холодными и беспощадными, метали молнии и огненные снаряды в своих бывших товарищей. Армии верных Богу ангелов выпустили ответный град огня.

Люцифер кружился над своими войсками, руководя ими, и в его глазах сверкал неистовый блеск гордыни.

— Бог дал ему так много — красоту, могущество, ум — но он возжелал престола, — сказал Евангелист. — В конце концов, Бог изгнал изменника.

Мчась вниз, в преисподнюю, великолепное, украшенное драгоценными камнями создание, изгнанное из своего небесного дома, постепенно превращалось в ужасного красного дракона. Треть небесного воинства опускалась с ним. Замедлялся вихрь изображений, громовые литавры и перебивающие друг друга голоса стихали, переходя к более медленной, минорной, печальной теме.

— Ты знаешь, это разбило Богу сердце, — сказал Евангелист. — Сатана разрушил столь многое.



Экран начала заполнять новая волна изображений. Новое начало! И стал свет! Квазары! Сверхновые! Галактики, подобные зеленоватым глыбам льда! Растущие розовые облака туманностей! Астрономические события неопишуемой красоты — Вселенная взорвалась во всей своей славе. Утренние звезды пели вместе, и все воинство небесное восклицало от радости.

Прекрасные Плеяды, сети Ориона, Медведица, ведущая своих медвежат, затем мерцающая зелено-голубая красота Земли. Наша планета со своими розовыми рассветами и багровыми сумерками; ее величественные горы, неугомонные моря и орошаемый великой голубой рекой, обрамленной невиданными деревьями и цветами, Эдем! В этом саду Бог простертой рукой и дуновением Своего дыхания заронил искру жизни в безжизненную фигуру Адама.

Крис пристально смотрел вверх со дна ядовитой ямы. На что это похоже — быть окруженным такой красотой? Ежедневно прогуливаться с Царем Вселенной?

— Однажды, — похоже, темп повествования Евангелиста изменился, — когда возлюбленные Царя прогуливались в своем саду-царстве, главный враг очаровал их сердца.

На щите застыл в тишине моментальный снимок: сатана говорит с Евой. Еще один: Ева рассматривает запретный плод. Еще один: Адам молчаливо стоит рядом, давая согласие своим бездействием.

Крис крепко зажмурил глаза и затаил дыхание: «Не делайте этого. Не делайте». Но они сделали — они усомнились в сердце Божиим. Они жаждали контроля и власти в своей жизни, и блеск гордыни мерцал в их глазах.

— Враг соблазнил возлюбленных Царя, — сказал Евангелист, — и сделал их узниками. Последствия были ужасными — проклятие Адама, Евы и всего творения. Однако Бог дал им обетование — потомка, который, в конце

концов, сокрушит Врага. Трубы, органы и литавры вступили для исполнения темы Спасителя.

— Бог призвал народ, который Он возлюбил. При встрече на горе, окутанной облаком с громами и дымом, Бог собственноручно начертил Свою Истину на каменных скрижалях, которые дал Моисею. — Бог ухаживал за своим возлюбленным народом, как жених ухаживает за своей невестой, однако она вернулась в стан врага, продавшись другим богам, другим любовникам.

Музыка терзала сердце Криса. Хор, казалось, вновь и вновь взывает к Израилю о любви, голоса вторили мольбам вереницы могучих мужей с волевыми лицами и болью в глазах, ныне простершихся перед Богом, ныне рыдающих у городских ворот.

— Это Исаия, — голос Евангелиста перешел на шепот, — Иеремия, Осия и Аввакум. Однако возлюбленная Божия отвергла и оскорбила Его вестников, продолжая лгнуть ко своим любовникам-прелюбодеям.

На щите Бог Вседержитель Вселенной вызывал фараонов и царей Ассирии и Вавилона, готовил их для разорения и полного уничтожения своей возлюбленной-прелюбодейки. По яме прокатилось эхо мерного солдатского шага, трубы призывали на битву. Голоса зашлись в горестных стенаниях.

Он увидел разрушенный горящий Иерусалим, солдат, разбивающих младенцев на камни, священные украшения храма, расплавленные и увозимые в Вавилон.

Когда ветер стих, на щите вновь возник Евангелист:

— Великий Царь страстно желает вернуть Свою возлюбленную. Поэтому он разрабатывает самую отважную спасательную операцию. Под покровом ночи Его единственный Сын, передевшись, оставляет Свою армию и в одиночку проникает в стан Врага.

Прекрасная мелодия любимой рождественской песни Криса лилась сквозь сгущающуюся тьму: «Приди, приди, Эммануил». По мере того, как к сопрано присоединялись клавесин, синтезатор, клавишные и скрипки, прекрасные серии оживших рождественских открыток заполнили щит.

— Радуйтесь! Радуйтесь! Эммануил выкупит плененный Израиль.

Крис вспомнил рождественские праздники, заполненные вечеринками и хождением по магазинам. Он подумал, что, возможно, самыми возвышенными и искренними рождественскими мгновениями в его жизни были минуты, когда он ехал по заснеженной сельской местности под звуки этой музыки. *«Возможно, та саднящая тоска, прилив которой я ощущал, была Божиими попытками... обнять меня Своей рукой»*. Он тогда небрежно стряхнул эту руку, переключившись на другую станцию...

Возвышенные фразы темы Спасителя сливались в хоралы. Рождественские открытки уступили место мозаике изображений: Иисус, откровенно разговаривающий с фарисеями; обняв Марию, вытирающий ей слезы возле могилы Лазаря; на вершине холма, возвышающегося над Иерусалимом, с широко раскинутыми, словно в несостоявшемся объятии, руками. Мозаика изображений приняла форму креста.

Когда Крис просматривал историю Сына, его привлек не вид Иисуса. Не Его образ или поступки. Его привлекла Истина, сильная и абсолютно ясная. Крис мог ее видеть в Его глазах.

Крестообразная мозаика вспыхнула и превратилась в грубо отесанный деревянный крест, склонившийся над человеком. Его окровавленное тело было настолько покрыто ранами и синяками, Его лицо было настолько разбито и искажено болью, что Крис не узнал Его, пока не увидел показанные крупным планом глаза... это был Иисус! Изнемогая от тяжести, Иисус еле смог поднять этот крест и взвалить Себе на плечо.

Оркестр и хор достигли апофеоза звучания, когда Иисус, пошатываясь, тащил крест сквозь иерусалимские толпы, жаждавшие Его крови. В нижней правой части трехмерного изображения Враг хохотал истерично и гротескно, с его глумливо искривленных губ капала слюна, смешиваясь в грязи с кровью Христа. Вспышки молнии освещали три креста. Над ядовитой ямой, в которой стоял Крис, гремел и грохотал гром. Наконец, сотрясения

и гром утихли, и наступил мрак. В заплесневелой гробнице плачущие голоса ангелов сплетались с голосами виолончелей, гобоев и ударами гонгов над спеленатым телом Христа.

— Возлюбленная по-прежнему оставалась в плену, а Спаситель был мертв, — сказал Евангелист. — Это была ночь буйного пиршества в стане Врага.

Затем все в одно мгновение изменилось. Сила Божия ворвалась в гробницу, вместе с нею ворвалась и музыка. Некогда безжизненная фигура зашевелилась, льняные пелены сматывались с тела, раны мгновенно исцелялись, и воскресенный Христос крепко встал на ноги.

— Есть! — воскликнул Крис, вскидывая вверх кулак.

Звуки органов, труб и литавр потрясли склон холма и яму. Иисус снял погребальный плат с головы, свернул его и отложил в сторону. Его глаза сияли радостью, Он воздел руки к небесам и слился со светом и силой, наполнявшими гробницу. Утопая в проклятиях и ярости сатаны, громогласный хор темы Спасителя уже воспевал уплаченный выкуп и широко распахнутые двери темницы.

На щите вновь появился Евангелист:

— Это было поразительное решение. Как смогли люди, чьи сердца столь испорчены... — он указал жестом на яму, — оказаться примиренными со Святым Богом? Если Он просто любит нас, приветливо помахивая нам рукой, то Он несправедлив. Но если Он действительно даст нам то, чего мы заслуживаем, то отречется от Своей страстной любви и милосердия по отношению к нам.

— Мне кажется, я понял, — сказал Крис. Это было все равно, что в иллюзионе смотреть на изображение безобразной старухи, и внезапно увидеть перед собой скрытую под ним красавицу.

Лицо Криса медленно расплылось в улыбке:

— Сатана был раздавлен распятием!

— О, Крис, — тон Евангелиста удивил его, — опасно недооценивать Врага...

Медленный барабанный ритм марша смерти разорвал воздух. Щит вспыхнул, показывая римский Колизей, битком набитый зрителями, вопящими от восторга, когда

львы и медведи в клочья рвали христиан и пожирали их живьем. Диакона, пронзительно кричащего и испускающего дух, когда наиболее чувствительные части его тела прижигали раскаленными докрасна медными пластинами. Сады дворца Нерона, ярко освещенные телами верующих, погруженными в горячую смолу, а затем подожженными. Крис отвел взгляд, но по-прежнему слышал рев огня и крики, веселые возгласы и барабанный бой.

— Сатане не понадобилось много времени, чтобы составить новый план захвата власти и написания своей собственной великой истории, — сказал Евангелист. — Подорывая моральный авторитет церкви расколами и разногласиями, он искусил и возвысил новых великих вождей, которые должны были создать новую ложь — все что угодно, чтобы поколебать веру людей в Бога и Истину истории Его Царства.

На поверхности дамбы ниже щита начали происходить любопытные вещи. Крис увидел, как там замерцало изображение размером в три четверти щита и началась новая история. Это было заново воссозданное Творение — только на этот раз оно было случайным и полным насилия, без всякого плана или цели. И здесь не было музыки. Суровая и негостеприимная земля, в конце концов, остыла настолько, чтобы счастливая амеба выползла из теплого озера и постепенно превратилась в целый ряд других, более сложных созданий, заканчивая человеком.

В этой версии истории человек и его достижения всегда были в центре внимания. Величайшие человеческие цивилизации и строения, которые он воздвиг; возрастающий объем знаний человечества и произведенная им техника; живое воображение человека и созданное им искусство; человеческая способность размышлять и постигнутые им идеи. Человек мог построить свою собственную утопию. Бог был неуместен. Он совершенно не вписывался в картину.

По мере того, как меньшее изображение на дамбе светилось все ярче и ярче, большой щит становился тусклее. Музыка также стала звучать тише — уже не в полную мощь.

— Что происходит с изображениями? — спросил Крис.

— Яркость отражает, насколько люди верят каждой из двух различных историй. — Шли десятилетия. Крис осознавал, что возрастающая яркость Истории Прогресса приближается к яркости Истории Царства. Временно потускнев во время двух мировых войн, меньшее изображение разгоралось с новой силой по мере того, как оба экрана заполнили беспорядки: расовые волнения, демонстрации и теракты. Развязные и размалеванные хиппи праздновали наступление Эры Водолея, торжества мира и любви.

— Затем дети Истории Прогресса начали расти. — Оба экрана заполнились изображениями рыдающих в залах суда детей, разрывающихся между готовыми развестись родителями; беременных школьниц, проливающих слезы во врачебных кабинетах; подростков, бьющихся в истерике над телами мертвых одноклассников. — Они осознали, что надежды на прогресс и утопию были ложными. Все они были покинуты со своими собственными истинами, своими собственными маленькими историями, в которых им приходилось жить.

На поверхности дамбы возникло множество изображений меньшего размера, показывающих ни что иное, как маленькие истории жизни отдельных людей.

— Итак, теперь один живет в истории о спорте, другой — в истории о первой красавице в школе. Ты видишь множество людей в их собственных версиях истории о карьерном росте, множество женщин, живущих в историях типа «любой ценой удачно выскочить замуж». Посмотри внимательно вверх, там, справа, ты увидишь даже даму, живущую в истории о церкви. Заполненные лихорадочной деятельностью дни. Пустые, бессодержательные вечера. Нет Большой Истории, чтобы ответить на вопросы: «Как мне узнать, что есть истина?», «Откуда я взялся?», «Почему я здесь?», «Куда я иду?». Когда люди утратили веру в истину и смысл больших историй, началось парение.

На меньших картинках люди жили согласно собственному девизу Криса: «Это касается только меня». Его бросило в дрожь. По сравнению со всеми этими маленькими

изображениями, оба больших экрана становились все тусклее. И музыка стихла до фоновой.

— Что будет дальше? — спросил Крис.

— Какое-то время так и будет продолжаться, но в конце концов дойдет до того, что Бог скажет: «Вы желаете отвергнуть Истину? Вы желаете верить лжи? Я пошлю вам наилучшее решение. Я дам вам... Антихриста!

Все маленькие изображения погасли. Главный щит ярко засиял, показывая крупное, выразительное, красивое лицо. Ложь антихриста о мире закончилась войной, испепелившей миллионы. Еще миллионы были убиты за их преданность Богу.

С трубным призывом к оружию отворились небеса, и белый конь бросился вниз в атаку. Крис узнал проносащегося мимо Иисуса, Его склонившуюся вперед полную решимости фигуру, его глаза, устремленные на убийц и обманщиков там, внизу. За Ним грохотало небесное воинство.

Позади спускающегося воинства ангел, стоящий на солнце, громким голосом созывал всех хищных птиц. После тысяч лет благодати и неоднократных шансов ко спасению, Христос попирает врагов Божиих. Грифы, не делая различий, пировали на головах как именитых, так и обычных людей.

Когда Крису стало невозможно смотреть на ужасающую кровавую бойню, он опустил голову слушая, но не было музыки, чтобы сопровождать эту трагедию — лишь завывания ветра да крики птиц.

Наконец, он посмотрел вверх. В кадре осталась одна большая птица. Забрызганная кровью, она степенно взмахивала крыльями, высоко кружа над миллионами остеклевших глаз Армагеддона.

Внизу можно было разглядеть сатану, свирепствующего над полем битвы, проклиная Бога. Яркое сияние спустилось на Врага, заковывая его в большую цепь перед тем, как низвергнуть в бездну. Его проклятия и кровавое поле битвы исчезли, когда огромная птица еще раз взмахнула крыльями, поднимаясь все выше и выше, над высочайшими вершинами, огибая облака. В конце концов, на высоте,

кажущейся невозможной, она выровняла свой полет и повернула в сторону яркого света на почти черном небе.

По мере того, как птица летела, Крис осознал, что под ней проступают туманные очертания больших масс людей, идущих вместе как бы по темному туннелю к яркому свету в его дальнем конце. Птица продолжала лететь, а изображение сместилось на отдельные фигуры, почему-то показавшиеся Крису знакомыми. О да, вот двое ученых из Истории Прогресса, школьная красавица, один из карьеристов из маленьких историй, и сразу же за ними — Крис затаил дыхание — он увидел свое собственное лицо! Он тоже тихо шел с остальными, продвигаясь в сторону света.

Он не смог бы этого объяснить, но внезапно Крис оказался уже не в яме, а в этом туннеле. Он безнадежно оглянулся в поисках щита, но увидел лишь других людей, медленно и упорно движущихся по туннелю вперед.

Заметив удивление и страх на его лице, к Крису приблизились те двое ученых.

— Что, и ты туда же? — спросил один из них.

— Что — я тоже? — отозвался Крис.

— Ну, ты выглядишь таким же удивленным тем, что оказался здесь, как и мы. Мы полагали, что жизнь одна, а затем — тушите свет — конец.

— Вы уже умерли? — его мысли порхнули обратно, к резервуару токсичных химикатов.

— О да, но вот мы здесь. Мы по-прежнему *есть*! Это должно было кончиться! — раздраженно сказал второй ученый.

К ним обернулась женщина из истории «выскочить замуж»:

— Не беспокойтесь. Не беспокойтесь. Все идет точно так, как в одном бестселлере, который я читала. Мы будем идти по этому туннелю до тех пор, пока не дойдем до наших ангелов-проводников, которые введут нас в присутствие Божие. Это будет прекрасно.

Школьная красавица быстро обернулась. Ее лицо было перекошено озабоченностью и беспокойством.

— Я не готова к этому, — сказала она со слезами на глазах. — Я спала с парнями, даже однажды сделала аборт.

Наверно, я должна буду «заслужить свои крылья» или что-то в этом роде. Я никак не смогу сразу войти.

— Но, что ты думала об Иисусе? — спросил Крис.

— Иисус? Я не знаю. Я никогда о нем особо не думала.

— Да, вот именно, — сказал один из карьеристов. — Дай нам сыграть еще один последний тур игры «приди к Иисусу», и мы не заставим долго ждать.

Когда они приблизились к ярко освещенному выходу из туннеля, раздался бой погребального барабана и грозное низкое пение хора. Хор пел: «*Media vita in morte sumus*».

Крис мог только в иступлении думать: «Иисус! Я не уверен, что смог выразить то, что есть в моем сердце».

«*Media vita in morte sumus*».

— Но я знаю, что Ты — ответ. Будь милостив...

Вступили теноры, и темп возрос: «*Media vita in morte sumus*».

Они попали в гигантский амфитеатр ярко освещенный великим белым престолом, свет которого был столь ясен, что не оставлял места сомнениям. Буквы на огненном поясе Сидящего на престоле складывались в слова: «ЦАРЬ ЦАРЕЙ и ГОСПОДЬ ГОСПОДСТВУЮЩИХ». Они могли даже разглядеть раны от гвоздей на Его руках. «*Media vita in morte sumus*».

Школьная красавица заплакала; ученые дерзко глядели, стиснув зубы и сжав кулаки; «выскочить замуж» иступленно пыталась успокоить себя и других.

— Все хорошо, все в порядке! — восклицала она, перекрикивая хор. — Вы же знаете, Он любит всех.

«*MEDIA VITA IN MORTE SUMUS*».

Крис стоял здесь среди малых и великих, глядя прямо в лицо Славе Божией в окружении нескончаемых шеренг ангельского воинства.

«*MEDIA VITA IN MORTE SUMUS. ПОСРЕДИ ЖИЗНИ МЫ МЕРТВЫ*».

## глава 3



ор внезапно умолк. Книги были открыты, а воздух — насыщен электричеством.

Царь дал повеление прислуживающим Ему ангелам: «Соберите Мою пшеницу в житницу». Многие из пришедших были унесены в облака, однако Крис и те, с кем он говорил в пути, остались на месте. Крис продолжал ждать, но начал осознавать, что не был направлен в «житницу». Царь смотрел прямо на Криса и его попутчиков.

— Я отдал Свою жизнь, чтобы выкупить тебя из лагеря Врага. Но ты так возлюбил его пути, что никогда бы не оставил их. Я терпеливо молчал, когда ты пренебрегал Мною. Ты думал, что Я на твоей стороне, но сегодня Я призываю тебя к ответу. Безответственные игры со Мною закончены. Я готов вынести приговор. Бежать некуда и никто не придет тебе на помощь.

— Господи, Господи! — вскричала женщина из маленькой истории, — Я же читала в своих книгах, что Ты принимаешь всех!

— Мелисса, — Судья обратил Свой огненный и все же мягкий взор к обезумевшей женщине, — сколько раз я побуждал тебя читать *Мою Книгу*? Но ты никогда не делала этого. «Почему ты говоришь со мной так, словно мы хорошие друзья? Ты никогда не от-

крывала дверь, когда Я стучал; ты относилась к Моим словам, как к совершенной чепухе. «Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего»».

Внезапно прямо рядом с Крисом открылся провал, из которого вырывался сернистый дым и доносились полные невыносимой боли крики. Путники отпрянули от губительного жара огненных фонтанов и кипящей расплавленной лавы. Туманные струйки тошнотворной органической вони разъедали Крису глаза и душили его, заполняя легкие. Легион ангелов, сомкнув ряды, направился к их группе. Непроизвольно всхлипывая, школьная красавица упала на колени. Крис закрыл глаза и обхватил голову руками.

Но ангелы не схватили его. Дым стал рассеиваться, а рыдания и крики стихать. Только зловоние было реальным, и Крис обнаружил, что по-прежнему стоит посреди него, охваченный дрожью.

— Крис, — шептал затихающий голос Евангелиста, — твоя жизнь в опасности! Его гнев готов разразиться, но если ты будешь стремиться, просто бежать к Богу, то не пожалеешь».

Крис быстро оглянулся вокруг испытывая облегчение при виде Топи и попытался взять себя в руки. Низкие облака неравномерно мерцали, подобно электрической вывеске, в которой случилось короткое замыкание, и гром эхом отдавался в ущелье. На щите на склоне холма застыло изображение Евангелиста. Но теперь это было просто изображение. История закончилась. Как никогда раньше ощущая сокрушительный вес всей ядовитой грязи вокруг и вины, что лежала на его сердце, Крис начал все глубже погружаться в трясины.

— Помогите! — кричал он. — Евангелист... Боже... помогите мне, прошу вас! Я готов бежать!

Чем больше он бился, тем глубже погружался. Борясь с паникой, он успокоился и в наступившей тишине услышал необычный шум, доносившийся с верха дамбы. Он впервые обратил внимание на слова, высеченные на плитах: «Вы познаете истину, что истины нет. И истина делает вас свободными — свободными создавать свои маленькие истории и личные миры». Он вновь услышал шум.

Словно крысы скреблись по всей поверхности дамбы. С громким треском разверзлась трещина, протянувшаяся через весь склон, раскалывая слова пополам. Она быстро расширилась, порождая другие трещины, сетью покрывшие дамбу. Боясь, что дамбу сейчас прорвет, и не зная как спастись, Крис мог только слушать нарастающий треск и скрип.

Огромная бетонная глыба с треском отделилась от дальнего края дамбы и полетела в ущелье. За ней последовали другие обломки, пока вся дамба, глухо застонав в последний раз, не рухнула с грохотом вслед за первой глыбой. Вся Топь, полная токсичных отходов и мусора, медленно потекла из ямы.

Крис побежал словно по спускающемуся эскалатору, стремясь забраться подальше от переднего края медленно текущего потока грязи и стараясь при этом обходить камни и движущиеся обломки. Погруженный в грязь уже по грудь, он больше боялся оказаться засосанным грязью, чем разбиться о стены ущелья.

Долгие часы он держался на поверхности ядовитого потока, несущегося вниз по ущелью, умудряясь сохранять это положение, но не имея возможности выбраться. Наконец стены ущелья стали достаточно пологими, чтобы на них могла удержаться какая-нибудь растительность, и он, вытянувшись что есть сил, смог наконец ухватиться за нависающее над потоком деревцо. Перебирая руками, он добрался до берега, потом вскарабкался еще выше и тут же свалился, борясь с приливами тошноты от вони, которую издавали его одежда и тело. Он не мог даже пошевелиться.



Согретый утренними лучами солнца, Крис поднялся и затуманенным взором взглянул на розовые пальчики облаков, словно приоткрывавшими прекрасную перспективу еще одного дня. *«Поразительно. Солнце взошло опять»*. Он медленно, сустав за суставом, расправил свое похрустывающее тело и оглянулся. У него не было ни

рюкзак, ни еды, ни представления о том, где он находится. Единственным его утешением был свет, который вновь виделся почти на горизонте. Спотыкаясь, Крис спустился с холма и обнаружил дорогу, идущую в том направлении. Бежать было невыносимо. Он выбрался из грязи, однако огромное бремя вины и страха, которое он ощутил, стоя перед престолом, сгибало его, словно он тащил с собой всю Топь.

По-прежнему испытывая тошноту, Крис побрел по дороге через земли, столь же иссохшие, как и он сам. Тем не менее, он заметил, что свет становится заметно ярче. Крис снял спортивную куртку, а затем футболку, но от его собственного тела исходило практически такое же зловоние. Позже этим утром он достиг неприступной черной стены, попасть за которую можно было только через высокие Тесные врата. Он с трудом дошел до ворот и постучался, глядя на свое перепачканное тело и брюки, насквозь пропитавшиеся вонючей грязью. *«Отчего это тебя должны сюда впустить?»* — мог бы задаваться вопросом Крис. Но он просто не представлял, что будет делать, если повернет назад. Врата медленно отворились. Перед ним лежала дорога, ведущая на довольно крутой холм.

С трудом поднимаясь на холм, Крис пытался думать о великолепной музыке и поразительной Истории Божией, но это были напрасные усилия. Он должен был сосредоточиться. *«Всего один шаг, а затем еще один...»* Единственной музыкой, которую он мог услышать, был хор сверчков. Единственной картиной, которую он мог увидеть, время от времени поглядывая вверх, была дорога, поднимающаяся на ничем не примечательный холм. Ядовитый пот стекал с его лба. Тошнота усилилась, в том числе из-за пустого желудка. Еще один взгляд вверх, и он смог увидеть вершину холма.

На вершине стоял крест.

После великолепия небесного храма и величественности престола Судии, вид голой и бесплодной вершина поразил Криса. Только открытый всем ветрам холм, на который вел хорошо проторенный путь. Холм, даже не покрытый травой. Священная земля лишь кое-где пестрела клочками сухой стерни и сорняков.

Мощь древних грубо отесанных бревен влекла его вперед. Крис протянул руку и дотронулся до старого дерева, отполированного миллионами рук до него. Он опускался на колени, по мере того как пальцы медленно скользили вниз по почерневшим отполированным сучкам и трещинам. Он никогда не чувствовал себя таким грязным, одиноким и опустошенным.

— О, Боже. Не знаю почему, но Ты возлюбил меня и неотступно следовал за мною все эти годы, — сказал он, подняв лицо ко кресту, — а я так долго... противился и пренебрегал Тобою. Прости меня. Спасибо, что Твоими усилиями моя собственная жизнь опостылела мне, и я устал быть эгоистичным неврастеником. Спасибо, что Ты показал мне Истину. За то, что Ты умер такой ужасной смертью на кресте, чтобы выкупить меня из ямы Врага. Я хочу к Тебе. Я хочу Жизни. Пожалуйста, наполни мое пустое сердце.

Он стоял на коленях, держась за крест, и тошнота постепенно покидала его вместе с чувством отвращения к себе. Спустя долгое время Крис встал. Он пару раз подпрыгнул на месте, размахивая руками и поднимая их над головой. Тяжесть куда-то исчезла! Тоска и ощущение надвигающейся опасности, депрессия и чувство вины тоже исчезли, и он ощущал, будто сбросил килограмм сорок, хотя его ноги по-прежнему прочно стояли на твердой земле.

По пути вниз с другой стороны холма он обнаружил радостно бьющий из-под земли ручей с кристально чистой водой. Крис вошел в него и окунулся, погрузившись под воду насколько хватило дыхания. Пузырящаяся вода отмывала грязь лучше любого мыла, чище, чем он когда-либо мог представить. Вскобленный, отбеленный, обеззараженный, чистый изнутри и снаружи, он ощутил, что вместе с грязью ушла и усталость.

От души поплескавшись и отмокнув, Крис погрузился по грудь в живительный поток и начал пристально разглядывать спускающуюся с холма узкую дорогу, — новый человек, обозревающий новый ландшафт благодати. Перед ним открывалась новая жизнь в новой земле.

В тот момент, как он подумал о бритве и чистой одежде, возле ручья возникли две светящиеся фигуры,

страживающие со своих облаченных в белые мантии плеч нечто напоминающее лепестки роз. Они запыхались и сияли лучезарными улыбками, словно одержали победу в чемпионате — завоевали приз, и теперь пришло время успокоиться для официальной церемонии его вручения.

— Мир тебе, Христианин!

— Христианин? — спросил он в ответ с изумленной улыбкой.

— Да, ты — только что возрожденное свыше Царское дитя, и у тебя новое имя. — Один из них выложил стопку новой одежды. — Когда будешь готов, спускайся к подножию холма и мы тебе расскажем о твоих исканиях.

Христианин надел свежесглаженную рубашку с Царской монограммой, брюки защитного цвета и камуфляжный жилет. Хотя все было чрезвычайно легким и удобным, словно спортивный костюм, Христианина удивил этот военный стиль. «*Я что, иду воевать, или как?*». Он забросил на плечи свой новый рюкзак с упругими лямками и обнаружил, что его гораздо легче нести, чем прежний. Полон сил, он подошел к светящимся фигурам.

Первый из них вручил ему небольшой предмет.

— Это твой Свиток, в котором ты найдешь Слово Жизни. Он понадобится тебе, чтобы благополучно дойти до конца. Все остальное, что ты имеешь, исчезнет. Но *это* войдет вместе с тобой во врата Небесного Града.

Христианин взял Свиток, борясь с желанием поскорее раскрыть и развернуть его. Но было очевидно, что это еще не все, и он спрятал его в рюкзак.

— Смотри. Видишь эту дорогу, ведущую вниз в долину? — светящиеся фигуры отступили, и Христианин пристально взглянул на узкую дорогу, огороженную с обеих сторон стенами, называемыми Спасение, протянувшуюся прямо, как лезвие бритвы, насколько видел глаз.

— Это Путь, — сказал они. — Он был проложен патриархами, пророками, Христом и Его апостолами, и он настолько прям, насколько могла начертить линейка и позволила местность. Много дорог пересекает эту дорогу, но только она приведет тебя в Небесный Град.

Христианин взглянул на светящиеся фигуры.

— Обычно я за словом в карман не лезу. Но сейчас в голову не приходит ничего, чтобы хоть отдаленно выразить все, что у меня на сердце.

— Мы видим это в твоих глазах, — в их лицах словно отражалась его радость, когда они прощались.

— Во имя Царства! — воскликнули они и растворились в солнечных лучах.

— Во имя Царства! — зажмурившись, кивнул вслед им Христианин. Он бросил взгляд на свою новую форму и дотронулся пальцем до монограммы. На гербе был круг лучей славы, крест и голубь. Подобно олимпийцу, готовому к маршу на церемонии открытия, он представил себя несущим знамя Царства вокруг воображаемого стадиона. Начинались настоящие состязания, и он собирался бороться за золото.



Христианин не успел отойти далеко, когда раздавшиеся позади голоса и громкий шум прервали его шествие. Он оглянулся и увидел престранное зрелище: слева от него двое людей переваливались через стену, ограждавшую Путь.

Высокий, крепко сложенный парень отряхнувшись от пыли поприветствовал его:

— Привет! Я Джимбо Здоровье, а это мой друг Гай Богатство.

— Привет, — сказал присоединяясь, Богатство. Он рассмотрел герб на беговом костюме Христианина и внимательно оглядывал его рюкзак и обувь.

— Привет. Меня зовут Христианин. Откуда вы, ребята?

— Мы из графства Процветание и направляемся в Небесный Град, чтобы насладиться *всеми теми благословениями*, которые там обещают, — сказал Здоровье, подпрыгивая от избытка адреналина и готовый нестись вперед.

— Всеми теми благословениями? — переспросил Христианин.

— Да, когда ты получаешь здоровье, ты получаешь все, — ответил тот.

— Ну, не совсем все, — возразил Богатство. Вместе с Христианином они трусцой бежали вниз по окруженной каменными стенами дороге.

— Как бы там ни было, Иисус, вне всякого сомнения, был величайшим целителем всех времен, — сказал Здоровье. — Так что если мы по-настоящему хотим обладать крепким здоровьем, нам нужно просто бежать по этому Пути, стремясь к исцелению.

Богатство сказал:

— Прикинь, соседи внимательнее будут слушать твои рассказы о Боге, если при этом на тебе часы «Ролекс», а сам ты сидишь за рулем «Мерседеса», чем если будешь отовариваться на складе Армии Спасения и ездить на автобусе! Бог благословляет банковские счета каждого, кто следует таким путем.

Их самодовольный тон раздражал Христианина.

— Простите ребята, а почему вы не вошли через Тесные врата?

— Тесные врата? — Здоровье покачал головой. — Чтобы добраться до этих врат из графства Процветание, пришлось бы сделать очень большой крюк. Наши земляки обычно срезают путь и перелезают через стену, как мы.

Христианин вдруг почувствовал себя так, словно разговаривает у кассы кинотеатра с парнями, которые сунулись без очереди.

— Я несколько удивлен, что, желая попасть в Небесный Град, вы не вошли через врата. Разве не этого ли требует Господь Града?

— Ну, самое важное то, что ты обретаешь исцеление, — ответил Здоровье.

— И процветание, — добавил Богатство. — И, кроме того, не имеет значения, как мы попали на Путь. Ты вошел через врата, а мы перелезли через стену. Какая разница? Если мы на Пути, значит мы на Пути. В конечном итоге все мы достигнем Небесного Града и возрадуемся вечному здоровью и процветанию.

— Здесь-то, друзья мои, вас может постигнуть разочарование, — Христианин притормозил, и его спутники повернулись к нему лицом. — Я убежден, что когда приду к

вратам Града, Господь признает меня, поскольку... поскольку Тесные врата ведут к кресту, и там я стал новым человеком, дитем Царя. Он дал мне новые отношения с Собою и новое имя. Я даже ношу Его одежду. — Христианин жестом указал на свою украшенную монограммой форму. — У вас этого нет, поскольку вы не вошли через врата. А без этого... Я не знаю, что вас ожидает у тех последних врат.

Двум приятелям-«зайцам» ответить было нечего. Посмотрев друг на друга и засмеявшись, они повернулись и трусцой побежали дальше. Богатство выдал пару комментариев в том смысле, что, конечно, здорово, когда своих людей экипируют такой первоклассной униформой.

Трое попутчиков продолжали двигаться по дороге через покрытую каменистыми холмами местность. Христианин увеличил темп и постепенно вырвался довольно далеко вперед. За стенами по краям дороги, которые теперь едва доходили ему до груди, колыхались сине-ало-фиолетовые островки васильков, ястребинки и вербены. Вдалеке замаячили суровые скалы. Вид, открывающийся с каждой новой вершины холма, подтверждал, что он определенно приближается к этим скалам.

Перспектива хорошего скального восхождения ободрила его. Некогда он принял предложение компании занять должность старшего менеджера отчасти потому, что работа была связана с проверкой нескольких расположенных в окрестных горах курортов. Катание на лыжах и снегоходах, турпоходы, езда на горном велосипеде, лазанье по скалам — его привилегии «хозяина поместья» давали желанный доступ ко всем его излюбленным занятиям. Даже в суровые зимы он регулярно ходил на местную тренировочную площадку для спортзал для скалолазов. Наверное, причина тому была его повседневная жизнь и работа, которые практически вообще не были связаны с риском. Возможно, он унаследовал гены Льюиса и Кларка. Ему нравилась волнение и трепет, когда на отвесной скальной стенке он испытывал пределы своих сил — и, конечно, стремление к вершине.

Покоряя все более крутые склоны, он понял, что внутри него что-то изменилось. Его сердце все также начина-

ло колотиться при виде возвышающиеся над ним утесов. Но предвкушение это изливалось скорее из переполненного сердца, чем из дыры в душе, которая требует рискованных затей, чтобы ощущать себя живой.

К середине второй половины дня Путь постепенно сузился и исчез у подножия огромного покрытого валунами холма. И все же не было никаких сомнений в том, в каком направлении надлежало следовать дальше. Левее бурлящего источника, обозначенный мягко светящимися камнями и валунами, Путь круто поднимался вверх. Стоящий здесь знак, вроде указателей в парке, определял это место как «Скалу Затруднений». Христианин жадно напился из источника и к своей большой радости обнаружил в рюкзаке бутерброды и фрукты. Немного отдохнув, он приступил к штурму этой гряды валунов.

Он тут же заметил одно удивительное свойство новой своей обуви. Пока он шел по пологой части Пути, подошвы казались крепкими и жесткими, как у туристических ботинок (но вместе с тем легкими, как у кроссовок); здесь же, на скалах, они оказались очень гибкими — особенно на носках. Как и его альпинистские туфли, что остались дома, эти позволяли ему охватывать пальцами ног выступы скал, улучшая захват.

Подъем происходил под удобным, но все же довольно опасным углом. Всякий, кто видел, как Христианин проворно взбирается на скалу, мог отчасти сравнить его с горным козлом, отчасти — с ширококрылым альбатросом, настолько его мускулатура и размах рук соответствовали выполняемой задаче. Остановившись передохнуть на плоском валуне, он обвел глазами склон под собой в поисках бывших попутчиков, однако их нигде не было видно. Христианин посмотрел на солнце и определил, что у него в запасе остается еще около трех часов светлого времени. Он направился дальше, быстрыми и уверенными движениями штурмуя скалу.

Пальцы его рук и ног искали надежных точек опоры. И хотя порой более удобные точки опоры находились за пределами «маршрута», отмеченного мягко светящимися камнями, он намеревался неуклонно следовать правилу не сходить с Пути.

Орел над головой криком приветствовал окрестности. Дозорный отряд сверхативных бурундуков исследовал местность, все время двигаясь метрах в пяти впереди. Светило солнце, дул легкий ветерок — *трудно представить себе более прекрасного дня!* Воспоминание об альпинистском товариществе затрепетало в глухом уголке его памяти отголоском общего смеха покорителей вершин. С тех пор, как он год назад возобновил занятия скалолазанием, смутные тени давнего восхождения всей семьей во время отпуска проникали в его воспоминания. Но сегодня было слишком много причин для радости. Он отбросил тревожные воспоминания и запрыгал по камням к следующему вертикальному участку.

Хотя Христианин был опытным скалолазом, восхождение начало требовать все больших усилий. Крутые скалистые участки становились все длиннее и все больше приближались к вертикали, заставляя его поднимать свой вес тесно сжатыми коленями или подтягиваться на одних лишь кончиках пальцев. Пот крупными бусинами покрыл его лоб. Возникла мысль, что неплохо было бы найти способ поднять рюкзак на вершину холма как-то иначе, чем на собственной спине. За каждым выступом, на который он взбирался, простирался следующий скалистый участок.

Христианин сделал остановку на небольшом уступе, чтобы перевести дыхание. Самое время глотнуть воды из взятой с собою бутылки. Обратив внимание на Свиток, лежащий в рюкзаке, он вытащил его. Он понял, что нуждается в отдыхе и ободрении.

Держа Свиток на ладони, Христианин нажал указательным пальцем кнопку питания. На маленькой клавиатуре он обнаружил клавиши меню и выбрал «Ободрение». На трехдюймовом экране стал прокручиваться клип из фильма Евангелиста — Иисус, сидящий с учениками у огня, смеющийся, беседующий, всегда подбадривающий. Поверх изображения бежали слова Его обетований: «Веруя в Меня, станете непоколебимы и пребудете в глубоком покое. В этом безбожном мире вы будете по-прежнему испытывать трудности. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

«Просите Отца обо всем, что касается истин, которые Я открыл вам. Просите во имя Мое, согласно воле Моей, и Он наверняка даст вам это. Ваша радость будет как река, переполняющая берега!»

Христианин улынулся и закрыл глаза. *«Итак, Отче, сейчас мне так нужны сила и стойкость, чтобы одолеть эту Скалу!»*. По мере того, как он впитывал мысли и слова, усталость во всем теле уменьшилась ровно настолько, чтобы встать и одолеть еще один отвесный участок. И еще один. И еще.

Спускались сумерки. Орел и бурундуки давно оставили Христианина. Он был уверен, что в мышцах уже не осталось кислорода, однако поднялся еще на утес на одном только мужестве и услышал звук, который любят слышать все истощенные альпинисты — шум водопада. По мере приближения к последнему уступу призывный звук становился все громче с каждым толчком и рывком, пока последнее усилие не привело его на внешний край небольшого бассейна.

Христианин увидел перед собой такую картину. Узкий поток, верхняя часть которого терялась в пурпурной дымке, низвергался с огромного утеса в полутораэта метрах впереди. Поверхность скалы служила задней стенкой бассейна, имевшего около трехсот метров в ширину.

После дня, проведенного между ярким голубым небом и серебристо-розовыми камнями, эта смена палитры цветов стала целебным бальзамом для его чувств. Последние пятнадцать метров каскад круто ниспадал в иссиня-черное озеро, окруженное темно-зелеными соснами и елями. Они качали своими кронами, синхронно склоняясь от ветра, который свистел в их иглах, и окутывая Христианина своим резким свежим ароматом. Еще одна табличка указателя гласила: «Добро пожаловать в Приятное Укрытие. Сооружено и содержится Господином скалы для отдыха утомленных путешественников».

*«Неллохо»*. Христианин присел отдыхая, изучая две гигантские пирамиды из блестящего стекла, возвышающиеся метров на десять над верхушками деревьев на противоположных краях бассейна. Их верхние грани отражали ве-

ликолепные оттенки позднего вечера, однако у оснований сквозь листву мягко просвечивали мерцающие огоньки. Он прикинул в уме, где могут проходы к пирамидам. Любопытство подняло его на ноги и повлекло к бассейну.

С обеих сторон воду окружали каменные домики, оборудованные простыми, но удобными кроватями и мебелью. Христианин вошел в один из них, бросил рюкзак на стол и плюхнулся на свежезастланную постель. Дрова в камине только и ждали спички, и через несколько минут веселый огонь согрел комнату и его ноющее тело. Уголья в мгновение ока хорошенько поджарили один из завернутых в фольгу обедов из его рюкзака. Каким бы усталым и ослабевшим он ни был, загадка пирамид повлекла Христианина назад к тускнеющему свету.

Завтрашний путь пролегал по скале слева от водопада. Камни мерцали в наступающей темноте. Позади, ближе к краю, от которого он пришел, светящийся Путь раздваивался и шел вокруг бассейна, огибая домики по обе его стороны. У основания водопада разделившиеся каменные дороги вновь сливались. Он поискал глазами какой-либо признак ответвления дороги, ведущей к пирамидам, но ничего не нашел.

*«М-да, становится так темно, что мне нужно или отправляться, или ждать до утра. Весь этот бассейн, несомненно, является частью Укрытия. Очевидно, дорога не будет прямо как стрела идти до самого Небесного Града. Возможно, когда она достигает определенного места, нужно просто пересечь его, дойдя до гального края, а затем опять следовать ей. Какой смысл выкладывать светящимися камнями весь этот участок?»*

Положив свой обед на угли, Христианин направился к левому краю бассейна. Меньше чем через пять минут он вышел на поляну и внимательно взглянул на остроконечную башню из черного стекла. Вблизи она казалась гораздо больше — размером со средней величины отель. Он стал подходить ближе, но заметил табличку «Только для женщин». «Надо же! Что это такое? Экзотические туалеты?». Он не мог ничего разглядеть сквозь входные двери из темного стекла.

Христианин побрел назад к своему пристанищу. Однако до полной готовности обеда оставалось еще минут пятнадцать — как раз достаточно, чтобы проверить, нет ли случайно справа таблички «Только для мужчин». Короткая прогулка, и он обнаружил искомую табличку перед второй пирамидой. *«Всего пара минут, чтобы посмотреть, что это такое»*. Дорожки к двери определенно не было. Христианин крупным шагом пересек травяной ковер, сделал еще пару шагов и толчком открыл дверь.

Две необычайно привлекательные молодые женщины — одна блондинка, другая брюнетка, лица которых обрамляли мягко спадающие волосы, — улыбались ему из-за стойки вишневого дерева.

— Добрый вечер, — обволокли его спокойные, мягкие голоса. — Вы только что приехали?

— Да, я остановился в одном из домиков, но затем нашел дорогу сюда. Прекрасное местечко. Как минимум четыре или пять звезд. — «Увидят ли в нем человека бывшего и искушенного, способного сходу определить уровень их заведения?» — Так это часть Приятного Укрытия?

— Вы хотите сказать, что не слышали о нас?

— Ну, я не здешний, — Христианин ощутил острую потребность оправдаться. — И, — добавил он сияя своей фирменной обаятельной улыбкой, — вы находитесь немного в стороне от проторенного пути.

Улыбка подействовала. Их смех объял его, когда они вручали ему глянцевую четырехцветную брошюру.

— Пирамиды Приятного Убежища, — вслух прочитал он заголовок и раскрыл брошюру, чтобы просмотреть ее. — Зачем же кому-либо останавливаться в домиках, если можно остановиться здесь?

— А там еще кто-нибудь был? — спросили они.

— В общем-то, нет. Но я хотел сказать, зачем вообще предлагать оба вида помещений? Кто пойдет в домик, если...

— Совершенно верно, — прервала его одна из женщин. — И вы ощутите это еще больше, когда пройдетесь по пирамиде. Двери свободных комнат открыты, так что можете выбрать интерьер, какой вам понравится. Лифты расположены справа за углом, а слева есть кафе для лю-

бителей спорта. Выбрав комнату, просто позвоните нам сюда и мы зарегистрируем вас на любой срок, какой вы пожелаете.

— О, я выеду завтра, — Христианин вспомнил о своем рюкзаке и обеде. — Вообще-то я оставил в домике обед, и, думаю, мне нужно забрать свой рюкзак.

— Не стоит беспокоиться. Вы можете заказать обед прямо здесь или воспользоваться тележкой с едой, когда она будет проезжать мимо вашего номера. Мы пошлем кого-нибудь забрать ваш рюкзак. Сообщите нам, когда подберете себе комнату. — Когда он свернул налево за угол, ему попала на глаза зеленая неоновая вывеска: «sports.com». Гигантский телевизионный экран в дальнем конце показывал баскетбольный матч. *Быстрый пас на край и изящный навесной бросок прямо в корзину.*

— Это финал?

— Да, первый матч. Вы только заехали? — к нему направилась еще одна из привлекательных хозяек заведения.

Христианин кивнул.

— Я удивлен, что у вас тут есть свободные места, — он окинул взглядом около дюжины парней, попивающих свои напитки и закусывающих орешками.

— Ну, большинство просто предпочитает смотреть игру в своих номерах. Были наверху?

— Еще нет.

Она улыбнулась:

— Вы увидите, почему так происходит.

Справа открылись двери лифта и к ним направились еще двое мужчин. Поколебавшись секунду, Христианин успел вскочить в лифт до того, как двери закрылись. Он нажал на кнопку пятого этажа. Всего их было семь.